

Б. М Е Й Л А Х

В О П Р О С Ы
ЛИТЕРАТУРЫ
и
ЭСТЕТИКИ

С Б О Р Н И К С Т А Т Е Й

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 8

ДВА РЕШЕНИЯ ОДНОЙ ТЕМЫ

Преимственность темы в творчестве различных писателей — одна из самых интересных проблем истории литературы.

Есть вопросы, которые одно поколение завещает другому, в освещении их проявляется и развитие традиции и то новое, что вносит сама жизнь. Изучение преимущественности темы помогает понять одновременно и черты, объединяющие писателей, родственных по творческому методу, и индивидуальное своеобразие, свойственное каждому большому художнику. При этом часто неожиданно близкими в подходе к теме оказываются произведения, на первый взгляд никак одно с другим не связанные.

К таким произведениям относятся «Дама с собачкой» Чехова и «Анна Каренина» Толстого. Сопоставление это может показаться неоправданным и странным. Обширный, многоплановый роман, где дан детальный психологический анализ всех поступков и душевных движений героев, — и рассказ, написанный с предельным лаконизмом. Ничем особенно не примечательная «дама с собачкой» из провинциального города и обаятельная Анна Каренина, в облике которой, по словам Толстого, сразу узнавалась дама из высшего света, вызывавшая всеобщее восхищение своим умом и красотой. Вронский — «один из самых лучших образцов золоченой молодежи петербургской» — и уже стареющий банковский служащий Гуров... И все же эти два произведения связаны между собою не только общностью темы: перед

глазами Чехова, когда он писал «Даму с собачкой», несомненно стояли образы «Анны Карениной». И хотя он дал свое решение темы, самый конфликт рассказа родствен сюжетной линии Анна — Вронский в романе Льва Толстого.

Однажды Чехов записал в своей книжке: «Любовь есть благо... Если любовь часто бывает жестокой и разрушительной, то причина тут не в ней самой, а в неравенстве людей». Пользуясь этими словами, можно было бы определить многое в характере раскрытия Толстым трагедии Анны Карениной, ими же определяется драматизм судьбы героев «Дамы с собачкой».

В «Анне Карениной» Толстой с редкостной аналитической силой показал, что в обществе, основанном на лжи, неравенстве, в обществе, где самыми близкими узами — узами брака — оказываются соединенными такие противоположные по своему облику люди, как Анна и Каренин, — в этом обществе не может быть счастья. Если жизнь, казалось, иногда помогает увидеть все уродство неравного брака, если после вынужденной ошибки людям открывается сила, красота, поэзия подлинной любви, — ошибка все же оказывается непоправимой. Так и счастье Анны исчезает, она гибнет как жертва той путаницы условностей, противоречий, жестокости, которые являются нормой существования человека в окружавшей ее среде.

Развертывание конфликта происходит у Толстого в великосветском обществе, разнообразные вопросы, поставленные в романе, имеют широкое значение, выходящие далеко за пределы этой среды, значение общенародное. Но жизнь требовала, чтобы дальнейшее освещение этих вопросов, конфликт, воплощенный в сюжетной линии Анна — Каренин — Вронский был развернут в обстановке обывательской жизни, чтобы он в большей степени приобрел характер повседневного явления.

Эта задача была выполнена Чеховым, писателем, который с тончайшим мастерством умел раскрыть трагическое в повседневном, умел показать, что ложь и несправедливость общественных отношений настолько пропитала все стороны жизни, что для человека не

оставалось *ни одного* уголка, даже в сфере «интимной» личной жизни, где он мог бы быть свободным и по-настоящему счастливым. Чем более обнаруживается полная безвыходность положения человека при современных порядках, тем с большей остротой должна возникнуть проблема поисков выхода, — такова объективная логика чеховского творчества. Из множества драматических эпизодов, которые содержатся в рассказах Чехова, эпизодов иногда только печальных, а иногда и горестно-смешных, складывалась широкая панорама действительности старой России. У читателя возникало сознание невыносимости, абсолютной невозможности терпеть дальше уклад, исключаящий для человека даже тень счастья.

Рассказ «Дама с собачкой», проникнутый внутренним лиризмом, соединяющий высокую содержательность с филигранной отделкой каждой художественной детали, принадлежит к подлинным шедеврам. Прочитав этот рассказ, Горький восторженно писал Чехову: «Огромное Вы делаете дело Вашими маленькими рассказами — возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни — черт бы ее побрал!.. Рассказы Ваши — изящно ограненные флаконы со всеми запахами жизни».¹

Иначе отнеслась к чеховскому рассказу либеральная критика. Когда в 1899 году в декабрьской книжке «Русской мысли» появилась «Дама с собачкой», то сама тема и простой, скромный, заранее ничего не навязывающий читателю заголовок вызвали новый приступ раздражения у критика А. Скабичевского, не раз уже упрекавшего писателя в безыдейности. В произведении, полном драматизма, написанном тонкой акварельной кистью замечательного художника, Скабичевский и его коллеги увидели всего лишь повествование о столь распространенных на курортах мимолетных любовных увлечениях, угасающих с такой же мгновенностью, с какой они возникают. Критики не могли понять, что в «Даме с собачкой» изображение людей и ситуаций и выводы, которые следуют из этого изображения, насквозь социальны.

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 28. 1954, стр. 113.

Уже начало рассказа дает нам возможность судить о свойственной Чехову близости к Толстому и о своеобразии чеховской манеры.

Почти накануне начала работы над «Анной Карениной» Лев Толстой заметил по поводу отрывка повести Пушкина «Гости съезжались на дачу»: «Вот прелестно!.. Вот как надо писать. Пушкин приступает прямо к делу. Другой бы начал описывать гостей, комнаты, а он вводит в действие сразу...» Начало романа Толстого «вводит в действие сразу», и мы с первых же строк узнаем, что произошло в доме Облонских. «Сразу» мы получаем вполне определенное, эмоционально окрашенное представление об Анне Карениной, когда она впервые появляется в XVIII главе. По одному взгляду Вронский определил ее принадлежность к высшему свету. Мы узнаем, что она очень красива, что всей ее фигуре свойственны «изящество и скромная грация», что ее серые глаза были полны света, смотрели дружелюбно и в выражении ее миловидного лица было что-то особенно ласковое и нежное. Эта характеристика Анны, ее обаяния физического и душевного, дальше разворачивается, обогащается, но в основе остается неизменной. Красота героини и все ее достоинства как бы подчеркивают, что она создана для счастья, что по своему облику она является полной противоположностью своему мужу — Каренину.

Рассказ Чехова также «вводит в действие сразу». «Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой. Дмитрий Дмитрич Гуров, проживавший в Ялте уже две недели и привыкший тут, тоже стал интересоваться новыми лицами», — так начинается повествование. В отличие от Анны в романе Толстого, героиня у Чехова вначале заметна среди других дам только одной чисто внешней деталью: за нею бежал белый шпиз. Только в конце первой главы мы узнаем, что ее зовут Анна Сергеевна. И в дальнейшем Чехов ничем не выделяет ее — ни красотой, ни какими-либо особыми духовными чертами. Нам известно только, что она была невысокого роста, блондинка, что у нее была тонкая, слабая шея и «красивые серые глаза», — единственная деталь, как-то связанная с эстетической оценкой ее облика. Но затем подчеркивается, что это жен-

щина «ничем не замечательная». И то, что она — одна из многих, таких же, ничем особенно не замечательных женщин, по-своему подчеркивает мысль Чехова о праве каждого человека на счастье, на большую, чистую любовь.

Однолинейный сначала, воспринимаемый только в одном ракурсе образ «дамы с собачкой» в ходе дальнейшего развертывания сюжета постепенно принимает все более живые очертания и наконец возникает во всей сложности. Проявлению характера Анны Сергеевны способствует развитие образа Гурова, человека, который неожиданно вторгся в ее жизнь. Сначала Гуров был движим лишь пошлой мыслью о мимолетной связи с неизвестной женщиной, которую не знает по имени и фамилии. Как и в других случаях, Гурову все казалось просто и забавно. Знакомство состоялось, а затем возник роман. Так завязался сюжет рассказа о преобладающей силе любви и трагическом узле противоречий, который Анна Сергеевна и Гуров не в состоянии разубить.

Раньше Гуров знал лишь женщин трех категорий. Он сохранил воспоминание «о беззаботных, добродушных женщинах, веселых от любви, благодарных ему за счастье, хотя бы очень короткое». Он помнил и о таких, как его супруга, на которой его женили, когда он был еще студентом второго курса и которой он боялся, женщине недалекой, узкой, фальшивой. Наконец, ему были известны красивые, холодные и вместе с тем развращенные женщины, думавшие лишь о том, чтобы выхватить у жизни больше, чем она может дать. О них Чехов сказал с той энергией образности, которая позволила ему в нескольких словах выразить крайнюю степень презрения: «Когда Гуров охладевал к ним, то красота их возбуждала в нем ненависть, и кружева на их белье казались ему тогда похожими на чешую».

И вот в жизнь Гурова, человека, который ожидал лишь очередного любовного приключения на курорте, вошла женщина высокой внутренней честности и душевной чистоты, обаятельная и трогательная в своей наивности. С мужем ее не связывали никакие чувства, никакие интересы. Она даже не могла вспомнить, где он служит, и эта деталь говорила о полном равнодушии

к мужу. Больше того, Анна Сергеевна презирала его, называла лакеем. И это подтверждается портретной характеристикой: «В его длинной фигуре, в бакенах, в небольшой лысине было что-то лакейски-скромное, улыбался он сладко, и в петлице у него блестел какой-то ученый значок, точно лакейский номер».

Судьба Анны Сергеевны сходна с судьбой Анны Карениной. Муж так же чужд Анне Сергеевне и так же далек от нее, а после того как она «полюбила Гурова, стал в ее глазах столь же отвратителен. При всем различии этих двух героинь, их объединяет тоска по счастью, стремление вырваться из томительно-однообразной, бесцветной, безрадостной жизни, которую обе вели с юных лет с нелюбимым, чужим человеком... «Ведь есть же, — говорила я себе, — другая жизнь. Хотелось пожить!» — признается Анна Сергеевна. О переживаниях Анны Карениной Толстой пишет, что ей «слишком самой хотелось жить», а не только следить за отражениями жизни в романах. Анне Сергеевне показалось, что жизнь должна стать иной, когда она встретила Гурова. В его облике она увидела что-то неуловимо привлекательное. Он казался ей «благородным, возвышенным человеком». О Вронском же Анна Каренина говорила, передавая Кити свою беседу с его матерью: «...он ее любимец, но все-таки видно, что это рыцарь... Ну, например, она рассказывала, что он хотел отдать все состояние брату, что он в детстве еще что-то необыкновенное сделал, спас женщину из воды. Словом, герой». И хотя она слово «герой» произнесла улыбаясь, но из всего дальнейшего хода романа видно, что в облике Вронского ей были дороги «рыцарские» черты его характера. И после «во всем, что он говорил, думал и делал, она видела что-то особенно благородное, возвышенное».

Ведь есть другая, лучшая жизнь, есть люди из иного, не лакейского мира! — вот что заставило Анну Сергеевну хоть на время уехать из города С. в Крым, ожидало ее, помогло расцвести надеждам в этой обстановке внешней свободы, поэзии природы, морского простора.

Но то, что произошло вечером в гостинице, было воспринято Анной Сергеевной так же, как первоначально восприняла Анна Каренина близость с Вронским.

Анна Сергеевна, эта «дама с собачкой», к тому, что произошло, «отнеслась как-то особенно, очень серьезно, точно к своему падению... У нее опустились, завяли черты и по сторонам лица печально висели длинные волосы, она задумалась в унылой позе, точно грешница на старинной картине». У нее было нехорошо на душе, она осуждала, презирала себя, и в то же время пыталась найти себе оправдание, но не могла найти. Все это даже до отдельных психологических деталей сходно с переживаниями в эти минуты Анны Карениной: «Она чувствовала себя столь преступной и виноватой, что ей оставалось только унижаться и просить прощения... Лицо ее было все так же красиво, но тем более было оно жалко». Сходство этих сцен у Чехова и Толстого простирается до реплик (в романе: «Боже мой! Прости меня! — всхлипывая. говорила она, прижимая к своей груди его руки». В рассказе: «Пусть бог меня простит!» — сказала она, и глаза у нее наполнились слезами»).

Гурова эти переживания Анны Сергеевны раздражали, были для него неожиданными, но вместе с тем вызвали новые, неизведанные чувства и мысли.

Здесь в рассказ вступает чеховский мотив любви как могучей, возвышающей и облагораживающей человека силы. Этот мотив начинает разворачиваться в том месте рассказа, где описывается поездка Гурова и Анны Сергеевны в Ореанду. «Сидя рядом с молодой женщиной, которая на рассвете казалась такой красивой, успокоенный и очарованный в виду этой сказочной обстановки — моря, гор, облаков, широкого неба, Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве». Мы видим, как он все более увлекался Анной Сергеевной, становился сердечен и нетерпеливо-страстен, хотя еще не отделался от своего высокомерия счастливого мужчины, привыкшего к успеху. Ей он казался не тем, чем тогда был в действительности, — добрым, необыкновенным, возвышенным. Она продолжала страдать и мучиться. Так было до ее отъезда в провинцию — город С.

Любовь изменила Гурова, как изменила она и Анну

Сергеевну, — в этом заключена одна из глубоких идей рассказа. Вернувшись в Москву, Гуров, снова начавший было прежнюю жизнь, вскоре понял, что это невозможно. Образ Анны Сергеевны сопровождал его всюду и отовсюду глядел на него, он жил дыханием этой женщины, которое ощущал постоянно, и все в нем становилось иным. Так впервые пришла к нему настоящая любовь.

И тогда оказалось, что это новое, сильное и прекрасное чувство несовместимо с окружавшим его и раньше казавшимся нормальным и даже единственно возможным миром, миром обывательщины, пошлости, ничтожных и мелких людей. Его партнер в клубе — чиновник, которому он, томимый желанием выговориться, начал было рассказывать о своем знакомстве с Анной Сергеевной, не ответил ему, а затем проговорил, занятый своими мыслями:

«— А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!»

И эти слова, сказанные после пусть опрометчивого, но неудержимого стремления поделиться самым дорогим, как-то заставили Гурова остро понять всю дикость нравов, низменность интересов привычных ему людей. Он понял: «ненужные дела и разговоры все об одном отхватывают на свою долю лучшую часть времени, лучшие силы, и в конце концов остается какая-то куцая, бескрылая жизнь, какая-то чепуха, и уйти и бежать нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах!» К этому резкому осуждению окружающей жизни Гурова привела любовь...

Этот мотив так близок роману Толстого, что кажется прямым его развитием. И Анне Карениной ее жизнь, до того как она полюбила Вронского, казалась обычной, она с ней мирилась, «как все». Любовь изменила ее взгляды, окружавшая среда стала невыносимой. Графиня Лидия Ивановна, которую она раньше любила, вдруг открылась ей своим лицемерием и тщетной суетой. «Ведь все это было и прежде, но отчего я не замечала этого прежде? — сказала себе Анна». И подлинный облик мужа она увидела точно впервые. «Ах боже мой! отчего у него стали такие уши?» — подумала она, глядя на его холодную и представительную фигуру. Но

уши не стали, а всегда были такими, такой же «холодной» была его фигура, как и мутные глаза, тупые ноги, и треск пальцев, и писклявый голос, всегда такой была его сущность, сущность не человека, а «куклы», «министерской машины», которую Анна поняла только теперь, когда для нее стало ясно: «Если б он не слышал, что бывает любовь, он никогда и не употреблял бы этого слова. Он и не знает, что такое любовь». Настоящее, поэтическое чувство изменило у Анны критерии оценки всего окружающего, и она, по определению Толстого, должна была «спуститься до действительности», чтобы порадоваться сыну, который раньше казался ей лучше, чем был на самом деле.

Полюбив, стал иначе смотреть на вещи и Бронский. Чувство к Анне поколебало «свод правил», свойственный человеку его круга, и в борьбе честолюбия и любви все же победила любовь. Очень важна для понимания нового взгляда на жизнь, который созрел (хотя и не созрел) в сознании Бронского, первая глава четвертой части, где показано, как он возмущался поведением иностранного принца — весьма воспитанного, но легкомысленного и пустого человека. Бронскому стали ненавистны в этом «джентльмене» черты, которые раньше были свойственны ему самому.

Итак, любовь как бы открыла глаза на мир. Но она не дала прочного счастья героям ни в рассказе Чехова, ни в романе Толстого. Все запутывалось, становилось труднее и труднее.

Гуров не мог жить без Анны Сергеевны и, придумав для жены предлог, поехал к Анне Сергеевне в С., затем она приезжала для свиданий в Москву, и оба томились тоской и безысходностью. У Гурова было две жизни: «одна явная, которую видели и знали все, кому это нужно было, полная условной правды и условного обмана, похожая совершенно на жизнь его знакомых и друзей, и другая, протекавшая тайно».

Самое главное, интересное, необходимое относилось к этой второй, скрытой жизни, связанной с женщиной, которая была его единственной радостью и его единственным горем. И Анна Сергеевна все время жила только мыслями о нем, только своей любовью и своими муками. Но выхода не было, приходилось прятаться,

жить в разных городах. Это были ощущения такие же мучительные, как у Анны Карениной и Бронского. В ответ на слова Бронского «необходимо кончить ту ложь, в которой мы живем», Анна с грустной насмешкой над безвыходностью своего положения сказала: «Но как, Алексей, научи меня, как?» И в «Даме с собачкой» герои размышляют о том, как освободиться от необходимости обманывать, от невыносимых пут. Гуров в отчаянии: «Как? как? — спрашивал он, хватая себя за голову. — Как?»

Заключительные строки рассказа говорят о смутных надеждах «...казалось, что еще немного — и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца еще далеко, и что самое сложное и трудное только еще начинается».

Если бы рассказ «Дама с собачкой» имел благополучное окончание, то изображенный в нем конфликт приобрел бы менее обобщающий характер, получилось бы частное решение одной из многих трагедий. Но ведь главное заключается в вопросе о причинах, по которым возникали эти трагедии! Вот почему, например, в рассказе «О любви» Алехин не осмелился оторвать любимую им женщину от ее мужа, рассуждая: «Куда бы я мог увести ее? Другое дело, если бы у меня была красивая, интересная жизнь, если б я, например, боролся за освобождение родины или был знаменитым ученым, артистом, художником, а то ведь из одной обычной обстановки пришлось бы увлечь ее в другую такую же... И как бы долго продолжалось наше счастье?» Так вопрос о любви перерастал у Чехова в мечту об иной жизни, полной поэзии, героизма, творчества, красоты...

Однажды Чехов заметил: «В «Анне Карениной» и в «Онегине» не решен ни один вопрос, но они вас вполне удовлетворяют, потому только, что все вопросы поставлены в них правильно». ¹ «Дама с собачкой» также правильно поставила большие и острые вопросы человеческой жизни.

Как мы видели, общими у Толстого и Чехова была

¹ А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем, т. XIV. М., 1949, стр. 208.

основа конфликта, социальное его истолкование, идея о великой, преображающей и гуманистической силе любви и даже отдельные психологические мотивировки поступков героев. Но герои Чехова — рядовые люди, действие происходит не в аристократической сфере, не в роскошных особняках, а в самой простой, обыденной обстановке. Отсюда у Чехова и «серая» символика повседневности: когда Гуров приезжает в город С., в «лучшем номере», который он занял в гостинице, все было так нелепо, так несовместимо с поэзией любви: и пол, обтянутый *серым* солдатским сукном, и *серая* от пыли чернильница с всадником на лошади, у которого была поднята рука со шляпой, а голова отбита. А жизнь Анны Сергеевны была символизирована в образе *серого*, длинного, с гвоздями, забора, тянувшегося против ее дома.

«От такого забора не убежишь», — подумал о нем Гуров. Вся эта обстановка была, конечно, ближе к непосредственным ощущениям, впечатлениям, быту широких читательских кругов России, чем обстановка «большого света».

Выход из сетей, в которых оказались герои и «Анны Карениной» и «Дамы с собачкой», мог быть только один — необходимо изменить все основы жизни. Такой выход подсказывался самой логикой сюжета этих произведений, логикой развития образов. Показав драматизм положения героев, Чехов закончил рассказ вопросом: «Как освободиться от этих невыносимых пут? Как? Как?» и надеждой, что «решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь». Толстой не захотел оставить решение вопроса самой жизни и читателю, он попытался дать это решение развитием второй сюжетной линии романа, линии Кити — Левин. Левин, при всех его сомнениях и противоречиях, приходит в конце концов к морали «правдивого старика» Фоканыча, который «для души живет», «по правде, по-божьи». Это было попыткой сдвинуть решение жизненных противоречий в сферу религиозно-нравственную, ибо, как рассуждал Левин, обретя мораль Фоканыча, «добро — вне цепи причин и следствий», т. е. находится «внутри» человеческой души. Роман кончается словами Левина, из которых ясно, что хотя реальное его суще-

ствование останется неизменным («так же буду сердиться на Ивана-кучера», «так же будет стена между святой святой души моей и другими» и т. д.), но смысл жизни обретен: «Жизнь... не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!» Конечно, эти моралистические рассуждения Левина не являлись решением вопросов, поставленных в «Анне Карениной», романе, содержащем колоссальную силу беспощадного анализа действительности старой России, взрывчатую силу протеста. Характерно, что Чехов не принял того религиозно-нравственного и отвлеченно-умозрительного решения противоречий, которое пытался дать Толстой. В этом смысл замечания Чехова, что в «Анне Карениной» вопросы *поставлены* правильно, но ни один из них *не решен*.

Сам Чехов в «Даме с собачкой» ограничился правильной постановкой вопроса. Мучительные и безрезультатные решения Гурова, его поиски выхода были в рассказе Чехова эпилогом. Но для размышлений читателя он явился прологом, возбуждающим энергию протеста против трагических нелепостей жизни в такой степени, в какой связано в общественной практике искусство и действие.

Толстому «Дама с собачкой» не понравилась. Прочитав чеховский рассказ, он заметил в записной книжке (январь 1900 г.): «Читал «Даму с собачкой». Это по сторону добра, т. е. не дошло еще до человека». В дневнике он затем развил свою мысль: по его мнению, герои рассказа — «люди, не выработавшие в себе ясного мирозерцания, разделяющего добро и зло. Прежде робели, искали; теперь же, думая, что они по ту сторону добра и зла, остаются по сю сторону. . .»¹ Толстой был склонен возвести мораль этих героев даже к Ницше. Все это глубоко несправедливо. Толстой 900-х годов судил рассказ Чехова с позиции религиозно-нравственного учения, того учения, зерна которого были в рассуждениях Левина о «добре», якобы не зависящем от внешних условий, о жизни «для души, по-божьи», которыми закончились

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 54. М., 1935, стр. 212, 9.

последние главы «Анны Карениной». Но эта мораль противоречила той правде жизни, тому беспощадному реализму, которым Лев Толстой обогатил всю русскую литературу, и в том числе — реализму Чехова.

Итак, преемственность темы в истории литературы раскрывается прежде всего как объективная связь и объективные различия в ее трактовке. Художественный замысел возникает не потому, что писатель прочел книгу своего предшественника; тема лишь тогда оказывается живой, актуальной, если она подсказана современностью. Сопоставление романа «Анна Каренина» и рассказа «Дама с собачкой», как это бывало в критике с другими произведениями, можно было бы вести путем чисто внешних признаков и аналогий. Чехов особенно любил роман Толстого, восхищался образом Анны («милый и дорогой Анной», как говорил он). Можно было бы придать особое значение тому, что героиню рассказа «Дама с собачкой» тоже зовут Анной, что у нее, так же как у Анны Карениной, серые глаза, и т. д. Но дело, конечно, не в деталях, а в существе вопроса, который поставлен в рассказе Чехова и романе Толстого, вопроса, выдвинутого самой жизнью.

•